

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-191-199

© Л. М. Видгоф

МАНДЕЛЬШТАМ, ИЛЬФ И МОТОЦИКЛ

Летом 1931 года О. Э. Мандельштам написал стихотворение «Сегодня можно снять декалькомани...» (далее — СМ):

Сегодня можно снять декалькомани,¹
Мизинец окунув в Москву-реку,
С разбойника Кремля. Какая прелесть
Фисташковые эти голубятни:
Хоть проса им насыпать, хоть овса...
А в недорослях кто? Иван Великий —
Великовозрастная колокольня.
Стоит себе еще болван болваном
Который век. Его бы за границу,
Чтоб доучился... Да куда там! стыдно!

Река Москва в четырехтрубном дыме,
И перед нами весь раскрытый город —
Купальщички-заводы и сады
Замоскворецкие. Не так ли,
Откинув палисандровую крышку
Огромного концертного рояля,
Мы проникаем в звучное нутро?
Белогвардейцы, вы его видали?
Рояль Москвы слышали? Гули-гули!..

Мне кажется, как всякое другое,
Ты, время, незаконно! Как мальчишка
За взрослыми в морщинистую воду,
Я, кажется, в грядущее вхожу,
И, кажется, его я не увижу...

Уж я не выйду в ногу с молодежью
На разлинованные стадионы,
Разбуженный повесткой мотоцикла,
Я на рассвете не вскочу с постели,
В стеклянные дворцы на курьих ножках
Я даже тенью легкой не войду...

Мне с каждым днем дышать все тяжелее,
А между тем нельзя повременить...
И рождены для наслажденья бегом
Лишь сердце человека и коня.

И Фауста бес, сухой и моложавый,
Вновь старику кидается в ребро
И подбивает взять почасно ялик,
Или махнуть на Воробьевы горы,
Иль на трамвае охлестнуть Москву.

¹ Декалькомания — способ изготовления переводных изображений, а также вышедшее из употребления название переводной картинки.

Ей некогда — она сегодня в няньках,
 Все мечется — на сорок тысяч люлек
 Она одна — и пряжа на руках...

Какое лето! Молодых рабочих
 Татарские сверкающие спины
 С девической полоской на хребтах,
 Таинственные узкие лопатки
 И детские ключицы...
 Здравствуй, здравствуй,
 Могучий некрещеный позвоночник,
 С которым проживем не век, не два!..

25 июня 1931²

СМ не раз привлекало внимание исследователей³ (автор данной статьи также писал об этом стихотворении⁴). Заметим, что среди комментариев, наряду с верными и ценными утверждениями, встречаются и досадные неточности. Так, в «фисташковых голубятнях» почему-то опознаются купола храма Василия Блаженного, хотя Мандельштам пишет о Кремле, а не о Красной площади, не говоря уже о том, что купола Василия Блаженного разноцветные, а никак не фисташковые. «Голубятни» — очевидно, кремлевские соборы, обиталища Святого Духа, изображаемого в виде голубя. Ср. с мандельштамовскими стихами о Кремле 1916 года: «Успенский, дивно округленный, / Весь удивленье райских дуг, / И Благовещенский, зеленый, / И мнится, заворкует вдруг» (1, 266; «О, этот воздух, смутой пьяный...»⁵). «Четырехтрубный дым» — речь определенно идет о трамвайной электростанции (с 1925 года — ГЭС-2) на Болотной набережной у Малого Каменного моста: четыре ее трубы отчетливо видны на старых фотографиях. Встречающееся в комментариях и исследованиях указание на ГЭС-1 на Раушской набережной сомнительно: увидеть ее трубы и одновременно кремлевские соборы практически невозможно. Надо еще принять во внимание, что современный Большой Каменный мост ко времени написания СМ не был построен, он был открыт в 1938 году. Не забудем, что его предшественник, трехпролетный металлический мост, выстроенный в середине XIX века, был дальше от Кремля, и увидеть с него ГЭС-1 на Раушской набережной было еще труднее. А вот Иван Великий и соборы Кремля с этого моста были видны; поэтому есть все основания предполагать, что старый Каменный мост (он удержал историческое название «Каменный», хотя был металлическим) является одним из тех мест, с которых показана Москва в СМ. С него можно было видеть и строящийся Дом правительства, «Дом на набережной» (построен в основном в 1931 году). Упомянутые в СМ «молодые рабочие» — это, вполне вероятно, строители правительственного дома. А с другой стороны Москвы-реки, от еще не снесенного храма Христа Спасителя (разбирать начали в августе, а взорвали в декабре 1931 года) открывался вид на «четырёхтрубный дым» ГЭС-2.⁶ Во время написания СМ поэт и его

² Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. / Сост. А. Г. Мец. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017. Т. 1. С. 146–148. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

³ Указатель статей авторов, писавших об СМ (упомянуты работы, вышедшие не позднее 2017 года), см. в книге: Мандельштам О. Э. Собр. стихотворений. 1906–1937 / Сост. О. А. Лекманов и М. А. Амелин; комм. и библиография О. А. Лекманова, Е. А. Глуховской, А. А. Чабан. М., 2017. С. 428.

⁴ Видгоф Л. М. 1) «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012. С. 66–68; 2) О стихотворении Мандельштама «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..» // Видгоф Л. М. Статьи о Мандельштаме. М., 2015. С. 127–147; 3) Мандельштамовская «упоминательная клавиатура»: пушкинские «лепет» и «трепет» и тючевская «легкая тень» // Видгоф Л. М. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М., 2018. С. 283–287.

⁵ На праздник Благовещения принято выпускать из клеток голубей и других птиц. «Зеленым» собор назван, возможно, в связи с растительной символикой праздника Благовещения.

⁶ Первоначальный вариант одиннадцатого стиха СМ: «Дымит Могэс четырехтрубным дымом» (1, 436).

жена жили в несохранившемся доме 10 на ул. Большая Полянка, в квартире знакомого юриста Ц. Г. Рысса, куда переехали в июне 1931 года. В стихотворении, очевидно, нашли отражение впечатления Мандельштама от прогулок по новым окрестностям.

Давно замечено, что «стеклянные дворцы на курьих ножках» отсылают читателя не только к снам Веры Павловны из романа Чернышевского и к иронии Достоевского в отношении «хрустального дворца» («Записки из подполья»), но и к дому Центросоюза, возводившемуся в 1929–1936 годах Ле Корбюзье на Мясницкой (первоначально стоял на открытых опорах). Думается, однако, что грандиозный «Дом правительства» на Москве-реке, воплощенная мечта о социалистическом рае, мог также отозваться в СМ, хотя он и не «стеклянный» и не на «курьих ножках».

В данной работе хотелось бы обратиться к двум стихам СМ, которым, кажется, еще не было уделено должного внимания: «Разбуженный повесткой мотоцикла, / Я на рассвете не вскочу с постели».

Мотоцикл олицетворяет в СМ, наряду со «стеклянными дворцами», новую эпоху. Это не случайно. В следующей части нашей работы мы приведем информацию о том, какое значение имел мотоцикл в жизни страны в интересующее нас время. Затем речь пойдет о литературном произведении, с которым, по мнению автора данной статьи, переключается СМ.

Изобретателями мотоцикла считаются Готтлиб Даймлер и Вильгельм Майбах (1885 год). В Россию первые машины начали привозить «в последней пятилетке» XIX века.⁷ Мотоциклы в России сконструировал в Риге А. А. Лейтнер в 1899 году.

К началу Первой мировой войны возможности использования мотоциклов в ходе военных действий были осознаны «многими странами-участниками: Германией, Великобританией, Францией, США, Россией и др.»⁸ Германия лидировала тогда в производстве и эксплуатации мотоциклов, а «после войны возникло множество фирм»: «К 1930 году в мире было 200 таких заводов, причем в Германии — 118».⁹ В России же «до 1916 года больше всего отечественных мотоциклов сделали на Московском заводе фирмы „Дукс“ Ю. А. Меллера...».¹⁰ Но растущую потребность отечественные производители удовлетворить не могли: «В начале XX в. в Россию поставляли мотоциклы иностранные фирмы: „FN“ (Бельгия), „Пух“ (Австрия), „Нортон“ (Англия), „Вандерер“ и „Виктория“ (Германия), „Пежо“ и „Вернер“ (Франция), „Харлей-Дэвидсон“ и „Индиан“ (США) и др.».¹¹

Мотоциклы использовались в Гражданской войне, и Красная армия в них нуждалась. Национализированный завод Акционерного московского общества (АМО) до конца 1918 года собрал 314 импортных мотоциклов, в 1919 году — еще 111.¹² Мотоциклов в стране было значительно меньше, чем требовалось. К концу 1919 года их числилось всего 4488, причем исправные составляли только половину от общего количества.¹³ Первым советским мотоциклом стал «Союз», который в 1923 году поручили спроектировать «нескольким инженерам бывшего завода „Дукс“, в то время Государственного авиазавода № 1».¹⁴ К концу июня 1924 года он был создан и в 1925 году участвовал в пробеге Москва — Харьков — Москва, но «не доведенный до совершенства мотоцикл не выдержал нагрузок пробега»,¹⁵ на втором этапе, Серпухов — Тула, сломался и сошел с дистанции.

СССР не мог позволить себе отставание в такой стратегически-важной для вооруженных сил отрасли, как автомобилестроение. В 1927 году было создано добровольное Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог («Автодор»).

⁷ Курихин О. В. История отечественных мотоциклов. 1889–1945 годы. М., 2007. С. 18.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Там же. С. 32.

¹³ Там же. С. 33.

¹⁴ Там же. С. 36.

¹⁵ Там же. С. 37–38.

В октябре 1927 года были организованы секции общества, в том числе и мотоциклетно-мотороводная.

Горячим сторонником развития отечественного мотоцикlostроения был Петр Владимирович Можаров, инженер из Ижевска. Он предложил организовать на Ижсталь-заводах (собственно Ижстальзавод и Ижевский оружейный завод, они входили, наряду с другими предприятиями, в Ружейно-пулеметный трест (РУЖ)) мотоциклетное производство. В 1928 году Можаров спроектировал первый ижевский экспериментальный мотоцикл. В 1928–1929 годах создаются ижевские экспериментальные мотоциклы ИЖ-1, ИЖ-2, ИЖ-3, а позже еще ИЖ-4 и ИЖ-5.

Следует отметить, что «потребность в мотоциклах оценивалась до конца пятилетки (1933) в 250 тысяч машин».¹⁶

В 1928 году состоялся Первый Всесоюзный испытательный мотопробег Москва — Тифлис — Москва. Машины стартовали 1 августа 1928 года «на площади у входа в Центральный парк культуры и отдыха (ЦПКиО) <...> в Москве».¹⁷ В нем принимали участие 15 мотоциклов известных зарубежных производителей. Лучшим в пробеге был признан немецкий Neander-500.

В 1929 году в сентябре–октябре состоялся Первый Всесоюзный испытательный пробег советских мотоциклов: Москва — Ленинград — Псков — Брянск — Курск — Харьков — Тула. Финишировал пробег в Москве, и здесь лучшим был признан ИЖ-4.

Мотоциклы делали не только в Ижевске, но также в Москве и Туле. В 1929–1931 годах экспериментальные мотоциклы создавали уже и в Харькове, тогдашней столице Украины. Еще одним местом мотоцикlostроения в 1930 году становится Ленинград, где в 1930–1931 годах создают мотоцикл Л-300.

Мотоциклы нужно было не только создавать, но и пропагандировать, разъяснять значение этого вида транспорта. В 1930 году М. А. Дьяков писал: «...значение мотоцикла у нас недооценивалось, <...> приходится доказывать, что мотоцикл — не забава, не спортивная игрушка, а *серьезнейшее средство* автомобилизации страны и один из путей *укрепления* народного хозяйства».¹⁸

На всю огромную страну, по сведениям Дьякова, в 1929 году было 6305 мотоциклов. При этом руководство армии требовало резкого увеличения их выпуска: «...заместитель нарком по военным и морским делам С. С. Каменев высказался о целесообразности увеличения в ближайшее время выпуска мотоциклов в Ленинграде до 10 тысяч в год и ускоренного строительства завода с годовой программой 50 тысяч мотоциклов в Ижевске или другом городе».¹⁹

Мы подошли в нашей работе к 1930–1931 годам, особенно нас в данном случае интересующим. 10 июля 1930 года в Москве под трибунами стадиона «Динамо» открыли выставку, на которой были продемонстрированы достижения отечественного мотоцикlostроения. «На ней представили шесть мотоциклов П. В. Можарова <...>, а также другие: „Союз“ П. Н. Львова, „Э. М. III“ — Э. Г. Мауэра, „МТ-2“ — Н. Токарева, машины Махурина, Волкова, Неймана и др. Для сравнения с ними демонстрировали сделанные в 1930 году иномарки: Harley-Davidson, Coventry Eagle, BSA-500, BMW-750...»²⁰ Выставка была открыта в течение двух месяцев, ее посетило более 100 тысяч человек.

В 1931 году был организован Третий Всесоюзный испытательный пробег советских мотоциклов: Ленинград — Вышний Волочек — Нижний Новгород — Сталинград — Харьков — Москва — Ленинград. 15 июля мотоколонна выехала из Ленинграда и через 32 дня, 19 августа участники прибыли в Москву.²¹ После трехдневного отдыха в столице выехали из Москвы и 25 августа завершили пробег в Ленинграде.

¹⁶ Там же. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 43.

¹⁸ Дьяков М. А. Современные мотоциклы. Руководство по уходу, регулировке и ремонту. М., 1930. С. 9.

¹⁹ Курихин О. В. История отечественных мотоциклов. С. 67.

²⁰ Там же. С. 64.

²¹ Там же. С. 68.

В том же 1931 году в Москве на Красной площади в физкультурном параде участвовали и мотоциклы.²²

Итак, о мотоциклах говорили, писали, их пропагандировали и демонстрировали, они были на слуху и привлекали внимание. Привлекали внимание еще и потому, что их было немного, они еще не примелькались. Это было входящее в жизнь новое, один из символов механизированного мира.

Чуткие к быту И. Ильф и Е. Петров не забыли о мотоцикле в «Двенадцати стульях» (первая публикация романа — 1928 год). Виктор Михайлович Полесов, «слесарь-интеллигент», неутомимый изобретатель, в чьей мастерской читатель романа обнаруживает, среди прочего, «мягкие баки для горячего с надписями „Indian“ и „Wanderer“», конструирует мотоцикл. Прообразом этого героя послужил сосед Ильфа и Ю. К. Олеси по коммунальной квартире (Сретенский переулок, 1/13, кв. 24, Ильф жил здесь в 1924–1929 годах; дом не сохранился): «Арон Эрлих: У Ильфа была маленькая комнатка, в которой он жил не один. [*Какой деликатный мемуарист! Ильф жил там с женой!*] Некий энтузиаст-механик жил по соседству и, скупая на Сухаревском рынке всевозможный металлический лом, строил с великим громом у себя в комнате мотоциклетку».²³ В «Двенадцати стульях» Полесов устраивает «испытательный пробег» своему детищу: «Однако временами Виктора Михайловича настигала стихия реального действия. На несколько дней он скрывался в мастерскую и молча работал. <...> Однажды, после одного такого запоя, он вывел во двор, как барана за рога, мотоцикл, составленный из кусочков автомобилей, огнетушителей, велосипедов и пишущих машинок. Мотор в 1½ силы был вандереровский, колеса давидсоновские, а другие существенные части уже давно потеряли фирму. С седла свисал на шпательке картонный плакат „Проба“. Собралась толпа. Не глядя ни на кого, Виктор Михайлович закрутил рукой педаль. Искры не было минут десять. Затем раздалось железное чавканье, прибор задрожал и окутался грязным дымом. Виктор Михайлович кинулся в седло, и мотоцикл, забрав безумную скорость, вынес его через туннель на середину мостовой и сразу остановился, словно срезанный пулей. Виктор Михайлович собрался было уже слезть и обривизовать свою загадочную машину, но она дала вдруг задний ход и, пронеся своего создателя через тот же туннель, остановилась на месте отправления — посреди двора, ворчливо ахнула и взорвалась. Виктор Михайлович уцелел чудом...».²⁴

А в 1930 году в журнале «Огонек» был опубликован рассказ Ильфа «Блудный сын возвращается домой», который приведем целиком:

«Иногда мне снится, что я сын раввина.

Меня охватывает испуг. Что же мне теперь делать, сыну служителя одного из древнейших религиозных культов?

Как это случилось? Ведь мои предки не все были раввинами. Вот, например, прадед. Он был гробовщиком. Гробовщики считаются кустарями. Не кривя душой, можно поведать комиссии, что я правнук кустаря.

— Да, да, — скажут в комиссии, — но это прадед. А отец? Чей вы сын?

Я сын раввина.

— Он уже не раввин, — говорю я жалобно. — Он уже снял...

Что он снял? Рясу? Нет, раввины не снимают рясы...

Но я не могу точно объяснить, что снял мой отец, и мои объяснения признаются неудовлетворительными. Меня увольняют.

Я иду по фиолетовой снежной улице и шепчу сам себе:

— ...И совершенно прав был товарищ Крохкий, когда... Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты... Яблочко от яблоньки не далеко падает...

Я поеду домой, к отцу, к раввину, который что-то снял. Я потребую от него объяснений. Какой он все-таки нетактичный человек! Ведь сколько есть профессий! Он мог бы стать гробовщиком...

²² См. фотографию: Наши мотоциклы [журнал]. Вып. 16. «Союз». 23.11.2021. С. 11.

²³ Ильф А. И. Дом, милый дом... Как жили в Москве Ильф и Петров. М., 2013. С. 65. В квадратных скобках — примечание А. И. Ильф.

²⁴ Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. С. 86–87.

Блудный сын возвращается домой. Блудный сын в толстовке и людоедском галстуке возвращается к отцу...

Сын не видел отца десять лет. Он забыл о предстоящем крупном разговоре и целует отца в усы, пахнущие селитрой...

Такого отца надо презирать. Но я чувствую, что люблю его.

Что из того, что его усы пахнут селитрой!..

Позор, я люблю раввина!

Сердце советского гражданина, гражданина, верящего в строительство социализма, трепещет от любви к раввину, к бывшему орудию культа. Как могло это произойти? Прав был товарищ Крохкий. Яблочко, яблочко, скажи мне, с кем ты знакомо, и я скажу тебе, кто тебя съест...

Сон кончается мотоциклетными взрывами и пальбой. Я просыпаюсь, радостный и возбужденный.

Как хорошо быть любящим сыном, как приятно любить отца, если он бухгалтер, если он пролетарий умственного труда, а не раввин». ²⁵

Автор данной работы предполагает, что в СМ отозвался рассказ Ильфа. Аргументы в пользу такого предположения приведены ниже.

Первый. Лирический герой СМ заявляет: «Разбуженный повесткой мотоцикла, / Я на рассвете не вскочу с постели». Форма, в которой это говорится, и контекст стихотворного фрагмента подразумевают, что кто-то как раз «вскакивает» и будет «вскакивать» (а также выходить «в ногу с молодежью на разлинованные стадионы» и входить в «стеклянные дворцы»). Такого пробужденного резкими звуками, издаваемыми мотоциклом, молодого человека мы обнаруживаем в рассказе Ильфа. Вскакивают с постели, как правило, в тех случаях, когда сон был внезапно прерван чем-то тревожащим, резко прерывающим покой. Именно так, «мотоциклетными взрывами и пальбой» нарушается сон в процитированном рассказе. В сон героя рассказа вторгается нечто неотвратно-принудительное, бесцеремонное, от которого не спрячешься (хотя герой и не собирается прятаться, это его мир, он просыпается «радостный и возбужденный»). В СМ для характеристики вторжения мотоцикла в сон использовано слово «повестка». «Повестка» вызывает представления о принудительности, обязательности («обязан явиться по повестке»), неотвратимости, о нарушении обычного течения жизни. Смысловая близость того фрагмента из рассказа Ильфа, о котором идет речь, и соответствующих строк из СМ очевидна.

Отметим в связи со стихами о мотоцикле в СМ важное обстоятельство. Автор данной статьи и искусствовед А. В. Наумов, с которым пишущий эти строки поделился своими соображениями о предполагаемой связи рассказа Ильфа и СМ, не сговариваясь обратили внимание на то, что Мандельштам использовал в стихотворении слово из незадолго до создания СМ написанной «Четвертой прозы» (1929–1930): «Когда приходит жестяная повестка или греческое в своей простоте напоминание общественной организации, когда от меня требуют, чтобы я выдал сообщников, прекратил вороватую деятельность, указал, где беру фальшивые деньги, и дал расписку о невыезде из предначертанных мне границ, я моментально соглашаюсь, но тотчас как ни в чем не бывало снова начинаю изворачиваться — и так без конца. <...>: Жестяные повесточки под подушечку» (2, 303–304). «Повестка» в «Четвертой прозе» имеет явно негативное значение. Примем во внимание, что Мандельштам обратился к слову «повестка» в своей лирике только однажды — в СМ.

Аргумент второй. Проза Ильфа и Петрова привлекала внимание Мандельштама. Он положительно отозвался о «Двенадцати стульях» в своей статье «Веер герцогини», причем откликнулся на роман вскоре после его выхода в свет (первая публикация мандельштамовской статьи — «Вечерний Киев», 25 января 1929 года): «В заключение приведу уже совсем позорный и комический пример „незамечания“ значительной книги. Широкайшие слои сейчас буквально захлебываются книгой молодых авторов Ильфа и Петрова „Двенадцать стульев“». И Мандельштам характеризует книгу как

²⁵ Огонек. 1930. № 2. 15 января. С. 12.

«брызжащий веселой злобой и молодостью <...>, дышащий требовательной любовью к советской стране памфлет» (З, 207).²⁶ О том, что Мандельштам был увлечен «Двенадцатью стульями», пишет в своих воспоминаниях Э. Г. Герштейн: «Я была больна, лежала в постели и читала „Двенадцать стульев“, только недавно вышедшие. Осип Эмильевич навестил, увидел в моих руках книгу Ильфа и Петрова, обрадовался. Ему не надо было заглядывать в нее, чтобы цитировать. Он знал наизусть, что оркестр, игравший в московской пивной, состоял из „Галкина, Палкина, Малкина, Чалкина и Залкинда“. Первые четыре фамилии он произнес скороговоркой, а последнюю с ударением на последнем слоге, как будто колоду опускал: „и ЗалкинДа“. И здесь голос его гулко и мелодично резонировал. У него были удивительные обертона на нижних регистрах. Он повторял и повторял эти фамилии (Галкина, Палкина, Малкина, Чалкина и Залкинда), выделял на разные лады слог „да“ и хохотал, хохотал».²⁷ Это воспоминание Герштейн относит к осени 1929 года.

Ильф и Петров — авторы, вызывавшие интерес Мандельштама. Вполне вероятно, что он мог обратить внимание на процитированный выше рассказ Ильфа в «Огоньке». Тем более в связи с тем, что в нем звучит еврейская тема, для Мандельштама очень значимая.

Третье соображение о неслучайности переключки между СМ и рассказом Ильфа таково. Эти два произведения сближают, на наш взгляд, «религиозный» мотив в сочетании с мотивом варварства. Герой рассказа Ильфа — современный варвар. Он ничего не знает об иудаизме (и, вероятно, также о других религиях), но знает, что религия — это плохо. (Отметим, что сон, о котором говорится в рассказе, повторяется, герой видит его «иногда», т. е. сознание своих иудейских корней тревожит героя, воспринимается им как нечто неуместное.) Бывший раввин что-то вроде бы «снял» с себя, но снял ли он это «что-то» и снимают ли вообще бывшие раввины что-то с себя, герой не знает. Отца «надо презирать», поскольку он бывший раввин. «Позор, я люблю раввина!» Герой рассказа согласен с товарищем Крохким (отнюдь не Кротким, а Крохким, активным крохобором, очевидно, влиятельным членом комиссии или ее председателем), что сына раввина надо уволить с работы. О человеке, которого он любит, герой рассказывает, используя пропагандистские клише советского новояза: «служитель одного из древнейших религиозных культов» и даже «бывшее орудие культа». Сын не видел отца десять лет (остается неясным, не видел герой рассказа десять лет своего действительного отца-бухгалтера или герою представляется во сне, что он не видел в течение десятилетия воображаемого отца-раввина), и вот он возвращается к отцу для того, чтобы повести с ним «крупный разговор» о том, как он *мог быть* раввином. Герой рассказа Ильфа (каким он предстает в своем сне) — это Иван Бездомный, Иван не помнящий родства в еврейском варианте. Безусловно, очень важной деталью является упоминание о «людоедском» галстук герою. Этот галстук не может не вызвать в памяти «Эллочку-людоедку» из «Двенадцати стульев» с ее нововарварской клишированной речью. Эллочка с героем рассказа «Блудный сын возвращается домой» — одного поля ягоды, несмотря на то, что Эллочку, в отличие от сновидца из рассказа, не интересует строительство социализма. Они представляют одну массовую поверхностную культуру, лишённую сложности и исторического измерения. Очевидно, это не входило в намерения Ильфа, но «людоедский» галстук вполне может рассматриваться как символ идеологии, которая оценивает человека в первую очередь как социальную единицу, «орудие» — либо «культа», либо борьбы с классовым врагом, либо построения светлого будущего и т. п. Таких одномерных героев мы встречаем и в «Золотом теленке», в поезде, в котором Остап едет из Москвы в Черноморск (глава «Дружба с юностью»). Милая студентка, узнав о том, что Бендер страдает от любви, советует ему: «— Это не страшно <...> переключите избыток своей энергии на выполнение какого-нибудь трудового процесса. Пилите дрова, например. Теперь есть такое течение.

²⁶ В цитируемом издании опечатка: вместо «брызжащий» напечатано «брызжащую». В предыдущем издании Полного собрания сочинений напечатано правильно: *Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. / Сост. А. Г. Мец. М., 2011. Т. 3. С. 247.

²⁷ *Герштейн Э. Г.* Вблизи поэта // Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998. С. 20.

Остап пообещал переключиться и, хотя не представлял себе, как он заменит Зою пилкой дров, все же почувствовал большое облегчение».²⁸

«Подключив» к анализу СМ рассказ Ильфа, с которым, как видится автору данной работы, переключаются мандельштамовские стихи, мы расширяем поле их понимания: значимость религиозного мотива в стихотворении становится более очевидной.

У Ильфа в рассказе говорится об иудаизме, а в первых строках СМ дается панорама московского Кремля с православными храмами. Иудаизм и православие, несмотря на разногласия, растут, как известно, из одного корня. Но существенно в данном случае не это. Мандельштам, подобно Ильфу, ведет речь о переломной эпохе, в которой на смену старой жизни приходит новая, безрелигиозная. О кремлевских соборах сказано о явным теплым чувством. Характеристика Ивана Великого («А в недорослях кто?»; «Стоит себе еще болван болваном»), с нашей точки зрения, не отрицательная, о колокольне говорится заодно с соборами, вызывающими ласково-восторженное восклицание, и стихи об Иване Великом не разрушают положительной тональности описания. «Простой» по своей архитектуре Иван Великий — «подросток», «недоросль» в сравнении с любимой Мандельштамом изошренной готикой, но простота не является пороком. Несомненно, фонвизинская ассоциация присутствует, но нельзя сказать, что доминирует негативное отношение. Тон описания Кремля — вполне доброжелательный, хотя и не без иронии. Вообще представляется, что слово «недоросль» Мандельштам использует в первую очередь в его изначальном смысле — это молодой человек, не достигший зрелости и, во многих случаях, нуждающийся в продолжении образования. Такого рода ассоциации в связи с Иваном Великим напрашиваются естественным образом. Под куполом колокольни идет надпись, говорящая о том, что строительство завершено при царе Борисе Годунове и его сыне Федоре Борисовиче. Мандельштам впервые познакомился с московским Кремлем в 1916 году. Кремль ему показывала Марина Цветаева, и у Мандельштама есть строки этого года, в которых возникает образ кремлевской колокольни.²⁹ (Из стихов 1916 года пришел в СМ и образ Кремля-«разбойника». Это отдельная тема, которую мы в данном случае не затрагиваем.) Борис же Годунов отправлял молодых людей на обучение на Запад, о чем Мандельштам знал и писал: «Когда Борис Годунов, предвосхищая мысль Петра, отправил за границу русских молодых людей, ни один из них не вернулся. Они не вернулись по той простой причине, что нет пути обратно от бытия к небытию, что в душевной Москве задохнулись бы вкусившие бессмертной весны неумирающего Рима» (2, 29).³⁰ (Один из восемнадцати посланных, согласно преданию, вернулся.) Таким образом, определение «недоросль» применительно к Ивану Великому в СМ указывает не столько на XVIII век с фонвизинским Митрофанушкой, сколько на рубеж XVI–XVII веков, время Бориса Годунова.

Если в первых стихах СМ появляются храмы и колокольня Соборной площади Кремля, то завершает стихотворение обращение к «некрещеному позвоночнику». Это «Здравствуй, здравствуй» не может не вызвать в памяти хрестоматийно-пушкинские «Здравствуй, племя, младое, знакомое!» и «Мне время тлеть, тебе цвести». «Татарские сверкающие спины» из СМ, несомненно, соотносятся со строками из написанного несколько ранее в том же году стихотворения «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» (3 мая 1931): «И за это, отец мой, мой друг и товарищ мой грубый, / Я — непризнанный брат, отщепенец в народной семье — / Обещаю построить такие дремучие срубы, / Чтобы в них татарва опускала князей на бадье» (1, 139). «Отец», «друг» и «товарищ грубый» в процитированных стихах — очевидно, русский язык, к которому и обращена мольба «сохранить речь навсегда». Для поэта язык, на котором он пишет, и «отец», и «товарищ» («грубый» потому, что поэт работает с языком, преодолевает его сопротивление, подобно тому, как скульптор «борется» с камнем в процессе творчества). А о том, что понятия «язык поэта» и «друг» находились для Мандельштама в одном смысловом узле, свидетельствуют стихотворения «Друг

²⁸ Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок. М.: Федерация, 1933. С. 412.

²⁹ «О, этот воздух, смутной пьяный...» (1916). См. это стихотворение и черновые варианты к нему: 1, 266–267, 467–468.

³⁰ Статья «Петр Чаадаев» (впервые: Аполлон. 1915. № 6/7).

Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» (май 1933; август 1935) и «Стансы» (1935). Первое цитируем целиком: «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг — / Язык бессмысленный, язык солоно-сладкий / И звуков стакнутых прелестные двойчатки... / Боюсь раскрыть ножом двусторчатый жемчуг!» (1, 158). Из второго приводим два стиха: «Я должен жить, дыша и большевея, / Работать речь, не слушаясь, сам-друг» (1, 177). Сам-друг — наедине с языком, с речью. «Татарские спины», «татарва» — речь идет не о конкретных татарах, а о неких обозначаемых этими словесными ярлыками условных «варварах», противоположных по духу европейской цивилизации и европеизированной России. Стоит, наверное, принять во внимание и то, что слова «ТАТАРВА» и «ВАРВАРЫ» фонетически перекликаются (укрепляют уподобление и повторяющиеся согласные: «т — т» и «в — в»). В других стихотворениях того же 1931 года Мандельштам пишет о «буддийской Москве» — а в советской столице в 1920-е — начале 1930-х годов были очень заметны китайцы (стихотворение «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»; «В год тридцать первый от рожденья века / Я возвратился, нет — читай: насильно / Был возвращен в буддийскую Москву» — «Отрывки уничтоженных стихов»; 1, 140, 142). Причем как СМ, так и рассказ Ильфа показывают, что это новое варварство (как его ни воспринимай) вполне уживается с техническим прогрессом, с механическими новшествами.

Подчеркнем, что у Мандельштама нет высокомерия по отношению к людям новой эпохи. Пришло их время, они строят свой мир, и у них есть своя правда — правда молодости и труда. Автор СМ приветствует людей нового времени с их «могучим некрепким позвоночником», хорошо сознавая при этом, что «своим» в этом на глазах рождающемся «грядущем» он никогда не сможет стать. В стихах 1931 года выражено желание поэта поладить с веком (еще в 1924 году Мандельштам написал: «Ну что же, если нам не выковать другого, / Давайте с веком вековать» — в стихотворении «Нет, никогда ничей я не был современник...» — 1, 120). Но это было не просто. В 1933 году поэт скажет с предельной резкостью, вспомнив свою работу в «Московском комсомольце» и журнале «Пятидневка»: «А стены проклятые тонки, / И некуда больше бежать, / И я как дурак на гребенке / Обязан кому-то играть. // Наглей комсомольской ячейки / И вузовской песни бойчей / Присевших на школьной скамейке / Учить щебетать палачей» (1, 159). Лирический герой СМ называет себя «стариком» (хотя Мандельштаму в 1931 году было всего сорок лет). Герой рассказа Ильфа мог бы отнестись к восклицанию «какая прелесть!» при виде кремлевских соборов в лучшем случае с недоумением. Что соборы для него, что отец-раввин — «орудия культа», а «прелестью» (впрочем, слово «прелесть» не из его лексикона, он выразился бы, несомненно, иначе) представляется ему, вероятно, мотоцикл. Каждому свое.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-199-227

© Маша Левина-Паркер (США), © Михаил Левин (США)

СТИЛЬ НАБОВОКОВА, «ИСКАТЕЛЯ СЛОВЕСНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

Иновидение

«Ло-ли-та: кончик языка совершает путь в три шажка вниз по нёбу...».¹ А ведь язык любого человека, а не только Набокова делает те же три движения, чтобы

¹ Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 2008. Т. 2. С. 17. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: ССАП, с указанием номера тома и страницы. Три слога имени Лолиты предвосхищаются более ранними тремя: «Машенька, — опять повторил Ганин, стараясь вложить в эти три слога все то, что цело в них раньше...» (Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2009. Т. 2. С. 80; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: ССРП, с указанием номера тома и страницы).